

В жизни каждого человека бывают моменты, когда он совершает тот или иной поступок, казалось бы даже опрометчивый, в порыве какого-то вдохновения или отчаяния, отчетливо после круто меняются его интересы, устремления, вся судьба.

Для меня таким судьбоносным поступком явилось вербовочное путешествие с комплексной самодельной экспедицией (КСЭ) молодых ученых и студентов к месту падения Тунгусского метеорита в эвенкийской тайге. А началось все это в моем родном городке Боготоле, куда я вернулся к родителям. Мне подсказали, что сейчас в Боготоле у родичей жены, моей одноклассницы, гостит томский ученый Геннадий Плеханов. Это был очень привлекательный, интересный человек, обладающий большими познаниями и даром обожать собеседника. Я в тот же день встретился с Плехановым, и мы допоздна засиделись с ним во дворе под яблонькой-ранеткой. Оказалось, через полмесяца он отправлялся в Эвенкию на поиски метеорита с группой энтузиастов, которые, чему я был свидетелем, называли его уважительно Командором. Я напросился к ним в компанию, и меня взяли, как мне кажется, по благу, ибо я, конечно же, был недостаточно подготовлен для таких трудных походов.

Тем летом нас пошло в тайгу всего двенадцать человек. Себя мы называли «космонавтами», потому что все поголовно верили в прилет на Землю космического корабля.

Результаты наших изысканий были настолько интересными, что привлекли внимание многих известных ученых, и Сибирское отделение Академии наук профинансировало нашу вторую экспедицию. На этот раз в тайгу пошло уже не 12 человек, а 75, мы могли нанять вертолет, чтобы все тяжелые грузы (оборудование и продукты) доставлять в эпицентр взрыва не на себе в рюкзаках, как было годом раньше, а по воздуху. После окончания полевого сезона вертолеты же были отправлены все взятые нами в маршрутах пробы земли, листьев, торфа, спилов деревьев, уцелевших во время сверхмощного взрыва, переживших катастрофу. Так что в обратный путь ребята могли выйти налегке с пустыми рюкзаками. Перед выходом был брошен спортивный клич: постараться за один день одолеть стокилометровое расстояние от пристани на реке Хушмо до Ванавары. И надо сказать, несколько наших групп, преимущественно московские туристы, успешно справились с заданием — в тот же день, без вреда уже глубокой ночью, добрались по тропе Кулика до поселка.

Я же двинулся в замедленном темпе с той группой, в которой находился кинооператор Томской телестудии Олег Максимов, делавший документальный фильм о нашей экспедиции.

Мы с самого раннего утра были на ногах, все шли и шли, а местность оставалась все такой же однообразной — болотистой, лишь где-то по склонам поднимались невысокие неприметные сопки. К вечеру одолели всего лишь половину пути. Решено было идти всю ночь, насколько хватит сил, чтобы побыстрее добраться в поселок, где на завтра намечался прощальный банкет.

Едва мы перебрались через реку Чамбу по камням на порожиистой шивере, как разразилась гроза.

— Нужно поспешить, ребята, найти какое-нибудь укрытие, а то вымокнем! — призвал нас Дима Демин, наш признанный в КСЭ бард, а все рьяно прибавил шаг. Однако я не смог долго выдерживать тот темп, который развили ребята. Меня вконец замучили развалившиеся ремни, их то и дело требовалось ремонтировать, это задерживало движение. Тогда повернул кед я натянул носки, обвязал их шнурками, чтобы обувь не разползлась. Но и это мало помогало. Темные фигуры товарищей все дальше и дальше уходят от меня по тропе и вот скрываются за деревьями на повороте. Со-

мной остался только Олег Максимов, у него тоже не все ладно с кедами — поизносили, поизодрали за лето обувь.

А дождь, потихоньку брызгающий, расходится уже не на шутку. Начался крутой подъем в гору — навстречу по тропе мчался бурный поток, почва и раскисла, ноги скользили, и мы то и дело падали. Но тут же поднимались и, не обращая внимания на грязь, заляпавшую одежду, торопливо продолжали идти, временами переходили на рысь, бежали во-

дождь, вдали слышались далекие капли. От земли тянуло одной знобящей сыростью. Пришлось все время ворочаться боком на бок, чтобы согреться. Когда, подмерзнув, я поднялся к костру, все парни вокруг спали в неуютных позах. Только Дима ин, сидя у дерева, что-то делал вполголоса, полускрыв глаза. Я с удивлением посмотрел на него.

— Ты что, Дима?
— Знаешь, — шурял мрачно глазами, проговорил он отры-

стом голосов, она звучала особенно горячо и обнадеживающе: *Ждет нас яростный труд, Пробуждается утро за утром! Магистралей пройдут По проложенным нами маршрутам.*

Над таежной рекой, Где нам все до затаеса знакомо, Заблестит под луной Серебристый ангар космодрома. Вот так мы пели тогда — около полувек назад. Но редуют, уже редуют наши ряды, и теперь, возможно, только я один остался в

ство участников отправилось на самолетах в Ванавару, а оттуда вертолетами — в эпицентр взрыва на Метеоритную заимку. Улетел Гена и другие мои товарищи, ночевавшие у меня на квартире, — Юра Кандыба, Виктор Журавлев и Леня Шикалов. А я не смог лететь — совсем сдало сердце, в те дни я большей частью лежал в постели дома на диване, лишь на час-другой приезжал на конференцию. Я чувствовал, что, если полечу, вряд ли уже выживу назад, а мне надо еще обязательно доработать три написанных вчерне романа.

И вот недавно узнаю — нет больше на свете наших поэтов-певцов: Дмитрий Демин ушел из жизни 25 августа 1998 года, а через три месяца после его кончины покинул нас и Геннадий Карпунин, не дожив трех месяцев до своего шестидесятилетия. Как мне умерли от рака. На панихиде у Демина собралось более сотни человек... После первой поминальной рюмки все встали и спели гимн. Тогда же решили издать сборник его стихов.

Выступая с прощальным словом на похоронах товарища, Гена Карпунин еще не предполагал, что так скоро и сам уйдет за ним следом. Но остались от них незабываемые стихи, выпущен Димин сборник «Мир проходящему», будет долго еще звучать у таежных костров знаменитая Генина «Синильга». Еще в шестидесятых годах на фестивале бардовской песни она была признана лучшей песней года с пояснением: автор неизвестен, слова и музыка народные. Наверное, это высшая похвала поэту. Но нам-то автор хорошо известен. А песня его так и берет за сердце, пронзает душу красивой лирической грустью, навеивает светлые воспоминания:

*Росу голубую склевала синица,
Над Южным болотом дымится
рассвет,
Мы снова уходим, и снова
Синильга
Березовой веточкой машет нам
вслед.
Куда же мы уходим и что же нас
гонит,
Куда же влечет нас иная
страна?
Мы встретимся завтра
в пустынном вагоне,
И ты улыбнешься — привет,
старина!
А помнишь, как вместе с тобой
мы жили,
Как слали проклятья бродячей
судьбе?
Мы станем иными, мы станем
чужими,
Изменим друг другу и сами себе.
Ребята, ребята, мы будем
бессильны
Вернуть удивительный этот
рассвет.
Ведь только однажды, однажды
Синильга
Березовой веточкой машет
вслед.*

Неумолима поступь безжалостного времени. Вот так и живу сейчас с болью в сердце — после неожиданной для меня потери дорогих мне, неповторимых людей, моих товарищей по экспедициям. Возможно, кое-кому уже кажутся наивными, несбыточными и ненужными все наши тогдашние искания и устремления. Ведь на смену прежней высокой духовности и прекрасным душевным порывам-взлетам нагло прет слепая бездуховность и дикость, жажда наживы, бездумное удовлетворение самых низменных скотских позывов, наркомания и преступность, беспризорщина.

Неужели вот сейчас, в конце двадцатого века, и кончается век мечтателей и романтиков, искателей, труда, поэтов, ученых? Неужели, среди нас, уходящим друг за другом, наступает другой век — еще более жестокий и безразный, век без мечтаний, без дерзаний и без песен, век господ-стяжателей, лихоимцев-собственников, стремящихся только нажиться и разбогатеть, людей без души и без совести, век долларовой чистогана? А, друзья?

*п. Красный Завод,
Боготольский район.*

Александр ЕРОХОВЕЦ

НА ТРОПЕ КУЛИКА

тьме, натываясь на ветки, преграждавшие тропу.

И вот как-то неожиданно спереди, из конца лесного коридора, пробился мутноватый бледно-желтый свет. Прямо на тропе был разложен большой ковер из срубленных сухостойн и сучьев, вокруг чернели фигуры парней. Дрова были мокрые и плохо разгорались. Чтобы огонь не погас, ребята прикрывали его плащом, взявшись за края.

Постепенно наш костер разгорелся, бревна пылали таким огромным глгучим факелом, что теперь никакой дождь нам был не страшен.

Придвинувшись поближе к огню, мы неспешно вели разговор о той жизни, какую люди встретят на других планетах, когда пробьются туда. Наверное, живописная получилась картинка: со всех сторон теснится мрак, с веток брызгают крупные капли, и только видны оживленные лица ребят, освещенные красноватыми бликами пламени. Демин сидит, прислонясь спиной к дереву, и смотрит куда-то вверх, будто сквозь сплошную тьму — в необозримые пространства космоса. А Гена Карпунин, высокий, худощавый, в очках, прилег рядом с костром, опершись локтем, он курит самокрутку и спокойным голосом делится с нами своим видением будущего, до которого неизменно доживет ли кто из нас, но куда мы все сейчас так неистово рвемся.

— Писатели должны показывать как можно вернее и ошутнее это будущее, — говорит Геннадий, — чтобы к нему стремился каждый человек, чтобы оно всех захватывало своим величием и красотой. До этой ночи мне не доводилось по душам разговаривать с Карпуниним: мы работали в разных поисковых группах, и наши пути редко пересекались. А тут оказалось, что этот высокий, с виду совсем еще юный студент-политехник с пышной шевелюрой и сухощавым лицом страстно увлекается поэзией, сам пишет стихи.

Собственно, в этом не было ничего удивительного. Многие, кто соприкасался с поисками Тунгусского метеорита, сочиняли стихи, перекладывали их на мотивы известных песен. Вообще, замечаю, люди, подолгу бывавшие в тайге, — геологи, лесоустройители, туристы — самые поэтически на свете, ибо общение с природой духовно обогащает человека, пробуждает в нем трепетные, возвышающие чувства, требующие воплощения в стихах, задушевные, лирических и романтических.

Было уже поздно, когда мы попытались все-таки уснуть. Я лежал на мокрой земле у костра, подложив под себя сушкинок, которые удался насобирать во тьме, и слушал, как сыплются сверху

и возбужденно, — хочется сочинить песню. Понимаешь, такую, чтобы хорошо запелась. Что-то соответствовала нашему времени, тем великим открытиям и скам, что происходят сейчас в науке. Чтобы это была наша песня — песня «космонавтов».

Мы все еще называли себя космонавтами и лизывали себя, когда появились настоящие космонавты, переименовали себя в «космодранцев», как бы полусерьезно-полусерьезно: что-то от голдранцев, бедных, безденежных, но безумно увлеченных космосом.

Годом раньше, во время ночевки на водопаде Чургим, Дима сочинил наш гимн — на мотив песни «Глобус». Кончался он такими словами: «Потому что мы народ бродячий, пожелай же нам, пилот, удачи, этот мир на самом деле тесен без дерзаний, без дорог, без песен». В этот гимн Диме удалось вместить всю свою свободолобивую мятующуюся душу, те мысли и устремления, с которыми мы тогда пришли в тунгусскую тайгу. Это был гимн Человеку неустрашимому, рвущемуся в космос, вечно жаждущему испытать новых знаний. Вот и теперь Диму волнует все та же трепещущая тема.

— Ну и как, получается? — спросил я.

— Начало есть. Но только об этом пока никому. Пивка не будет готова еще. На мотив песни «Я люблю тебя, жизнь». Вот первый куплет:

*Протянулась тайга
До далеких портов океана.
Здесь растут города,
Добываются руды урана.
Приминая траву,
Мы спешим к заболоченным
рекам.*

*Как я рад, что живу
В середине двадцатого века!*

Вот так жилось и мечталось нам тогда! А сейчас, в конце двадцатого века, этого уже не скажешь — так круто переменялась наша жизнь. Но того захватывающего трепетного ожидания, той душевной светлости, надежды и уверенности во всем лучшем впереди никогда мне не забыть.

На другой день мы пришли в Ванавару, где уже собралось множество народа, только что вышедших из тайги и новых, прибывших сегодня самолетом и собирающихся идти в тайгу продолжать поиски. А вечером в просторной избушке геологов на всеобщем праздничном банкете произошла трогательная встреча с легендарным Константином Дмитриевичем Янковым, старейшим таежником, сподвижником Кулика. Он поднял тост за людей упорных и настойчивых, взявшихся за разгадку тунгусского дива. И мы, стоя за столом, ответили ему только что досочиненной Димой Деминим песней. И сейчас, подхваченная множе-

живых из тех, кто ночевал тогда на тропе Кулика под проливным дождем.

Первым из нас ушел Альберт Сергеевич Тульский, он разбился насмерть летом следующего, 1961 года, во время восхождения на красноярские Столбы. В тот год экспедиция проходила квартиру в центре города, и это для всех нас была первая страшная потеря. А потом не стало кинооператора Олега Максимова, успешного все-таки запустить по телеэкранам свой фильм о моих товарищах. А в прошлом году мы потеряли сразу двух замечательных, дорогих мне людей — ученого и поэта Дмитрия Валентиновича Демина, прославившегося своими научными открытиями и будоражащими космическими стихами, и Геннадия Федоровича Карпунина, тонкого, сердечного лирика, члена Союза писателей России, литературоведа-исследователя, сказавшего свое особое, неповторимое поэтическое слово — прочтение древнерусской повести «Слово о полку Игореве», бывшего редактора журнала «Сибирские огни».

Прошлым летом в Красноярске со всех концов собрались ребята на юбилейную международную конференцию по тунгусской проблеме. Сердечными были встречи с бывлыми соратниками по поискам, в том числе и с Геной Карпуниним. Он, как всегда, был скромнен, доброжелателен, улыбался своей приятной стеснительной улыбкой. Искренне удивился, что я до сих пор еще не издал отдельной книгой те путевые записи о первой нашей экспедиции, что когда-то публиковались в журнале «Сибирские огни».

— Это же наша живая история... А наша ночевка на тропе Кулика! Я тогда впервые увидел, как поэты на моих глазах создают стихи.

В ту ночь я, грешным делом, тоже сочинил дурашливое шуточное стихотворение «Плач заочного писателя на тропе Кулика близ Ванавары». Я уже давно забыл о его существовании, но, как мне сказали, ребята иногда напевают этот «плач», попадая в тайгу. Составители даже включили этот стишок в поэтический сборник «Синильга» с нашим экспедиционным фольклором, куда вошли стихи и Димы, и Гены, и других наших парней и девчат, сопричастных к поискам. Оказывается, эту книгу выпустили и для того, чтобы материально поддержать Демина, который тяжело болел в Новосибирске — распухло от рака, у него страшно умишлось плечо, невероятные боли. Гена Карпунин на сборнике сделал надпись: «Дорогому Саше Ерохову в память о ночлеге под дождем на тропе Кулика в 1960 г. Всего доброго тебе, славный человек».

После конференции большин-